Путешествие по земле Камчатской

Десять лет спустя

Из дневника журналиста

26.08.62

Читатель! Сегодня мы начинаем путешествие по родной камчатской земле. От Парапольского дола в далеком Пенжинском районе до мыса Лопатка на юге полуострова проляжет наш маршрут. О жизни поселков и сел, об изменениях, которые произошли в них, о чудесных людях, освоивших далекий край, дерзких, неугомонных, обгоняющих время, о нашем современнике — строителе коммунизма, о мечтах, о богатствах Камчатки, ее сказочной природе — наш рассказ. Приглашаем вас в это путешествие. Ждем очерков, рассказов, корреспонденций, фотографий. Пишите нам по адресу: редакция «Камчатской правды», отдел путешествий по земле камчатской.

СТАРАЯ записная книжка... Сколько необычных встреч, случаев хранишь ты?! И почти каждая из записей, для чужого глаза незначительная, может превратиться в увлекательный рассказ о нашей жизни, о чудесных людях. Только нужно внимательно читать, нужно вспомнить...

Старая записная книжка. Одна из записей: «Камчатка. Село Слаутное. 1952 год. Путь со многими перевалами дает о себе знать. Олени при каждой остановке валятся в снег, по-коровьи подвернув ноги, огоняют ряд желтых, искрошенных зубов. И тогда кажется, что тундра, низкорослый кедрач, что стелется по обе стороны нарт, продолжает двигаться. Сколько едем? Кажется, трое суток, хотя нет, очевидно, пяты. Время перемешало дни и ночи, пургу и солнце, сдвинуло горизонт... Когда усталость вовсе сковала тело, когда все стало — движение, мой проводник, добрый коряк-оленевод, на лице которого годы проложили десятки морщин, заявил:

— Ток, приехали!!

— Куда? — не понял я.

— Как куда? В Слаутное приехали, в поселок. Куда ехали, туда и приехали... Правда красиво?.. — и он посмотрел вокруг. Боже мой, вот так поселок! С полдесятка разбросанных домишек... И всюду снег, снег. Только крыши торчат.

Чтобы не огорчать старика, я выдавил:

— Да... Красиво...

Он поверил, обрадовался. А утром я знакомился с новым поселком. Оказывается, он только начинает строиться».

Дальше в записной книжке — фамилии, имена, цифры. Вот фамилия Веру. Это она, первая женщина корячка, научилась разводить овощи в зоне вечной мерзлоты. Правда, урожаи были не ахти какие, но все же... Ведь это в тех местах, где люди имели представление о картошке, как о нестругганных, похожих на лапшу, засушенных палочках; где не знали вкуса свежего огурца; где в глаза не видели редис. И если не забывать об этом, то и незначительные урожаи — вещь! Трудно было. Июньскими ночами, когда выпадали заморозки, Веру со своими подругами накрывала каждый всход стеклянной банкой, и мороз не трогал нежные завязи.

Она победила.

В старом Слаутном.

Вот фамилия Вайниткан. Тихая корякская женщина только приобщалась к общественной работе, училась русскому языку, а ее муж уже вел комсомольцев поселка на бой за новую культуру.

Запись: «Когда приехал в село врач, одна женщина пришла к нему:

— Что болит? — спросил доктор.

— Леут, — сказала Окона и показала на голову.

Врач поставил ей термометр. В это время пришел еще один пациент, и, забыв о том, что у женщины термометр, врач занялся им. Посидела, посидела женщина, поднялась и ушла. Попала она к врачу лишь на следующий день.

— Вынимай палочку, уже не болит. Помогла...».

А вот фамилия Соколов — плотник.

— Илья Григорьевич научил нас строить, — говорили плотники коряки. Немало труда вложил Соколов в обучение. Помогло страстное желание обеих сторон сделать жизнь красивее. «Учитель» — так называли Соколова местные жители. И они, коряки, сделали русского человека своим посланцем в сельсовете. И женщины приобщились к строительству — делали кирпич. Это их руками, руками их товарищей строились те, пусть немногие, новые дома, что увидел я, подъезжая к поселку.

...Записная книжка. Много встреч, историй хранит она. Вот еще одна из этих встреч.

В конторе директор совхоза Иван Иванович Багаев знакомил меня с планом строительства нового поселка.

— Заметили в центре котлован с фундаментом? — спросил он. Да, я заметил.

— Это школа-десятилетка. В недалеком будущем дети нашего села войдут в эти классы, — он разворачивает кальку.

— А вот и весь поселок. — И новая калька ложится на стол. Прямые, широкие улицы сходятся к центру поселка, образуя площадь. Это как раз то место, куда я подъехал на оленях. С одной стороны обозначено здание клуба, напротив — почта, потом ясли, электростанция, больница.

— В составлении проекта участвовало все население. Сами думали, сами решали, где что строить.

И чем больше я знакомился с будущим поселком, чем глубже проникал в мечты людей, в их планы, тем с большим уважением я относился к их делам, их труду.

Ранним январским утром 1953 года я покидал Слаутное. Отъехав, оглянулся.

— А что, действительно красиво! — крикнул я своему проводнику.

Тогда об этих планах, об этих людях рассказывала «Камчатская правда» (№ 6835 за 1953 год). Позже, когда я вернулся в Москву, меня постигла неудача.

— Видишь ли, — сказал редактор одного из толстых журналов, — в очерке довольно интересно написано о мечтах человеческих, о планах. Но это, к сожалению, лишь планы, пусть даже красивые, а до действительности, прости, годы и годы.

Я ушел. Ну, что я мог возразить ему?

И ВОТ БЕСПОКОЙНАЯ судьба журналиста снова привела меня на Камчатку. В самолете, перелистывая записные книжки, перечитывая старые записи, я наткнулся и на те, о которых шла речь выше. Подумалось: «А каким теперь стало Слаутное? Что сталось с людьми?». И так захотелось снова побывать в поселке, что на самом севере полуострова, на границе с Чукоткой.

Страстно захотелось снова побывать в Слаутном! И в то же время какое-то неизъяснимое беспокойство вошло в сердце. Встреча со старым другом всегда тревожит и радует. Радует потому, что это — встреча с прошлым (оно всегда дорого); тревожит тем, что за годы разлуки у людей (даже друзей!) появляются свои интересы, годы как-то отдаляют людей (даже друзей). И если сохранилась теплота человеческая, то первые минуты неловкости исчезают быстро, и друзья — снова друзья. Как меня встретит Слаутное — мой старый друг?!

...Капризный камчатский климат остался прежним, точь-в-точь как десять лет назад: что ни километр, то своя погода. В городе светит солнце, несколько километров по дороге на аэродром — сумрачно, но терпимо, а над самим аэропортом низкие тучи, дождь.

День третий. Мне улыбнулось счастье... В городе дождь, туман ползет по сопкам, а над аэродромом солнце. Лечу в Каменское, центр Пенжинского района. Гул убаюкивает, мягкие кресла тянут в сон. Но гоню его. Я смотрю в иллюминатор. Нет, я не чувствую себя в этот момент космонавтом. Но я тоже счастлив, я тоже испытываю гордость за свою Родину, за свою Камчатку, когда смотрю вниз, на эти бесконечные хребты. Несет меня над ними самолет. А ведь сколько сил ушло десять лет назад, когда многие сутки я кувыркался на нарте, утопал в снегу на отрогах этих самых хребтов.

Вот здесь, у этой излучины, была тогда первая чаевка, остановка на отдых. Тут был первый дорожный костер. Время погребло его сучья, развеяло его пепел. А то они могли бы поведать о том, как тащился я сюда, до этого места, до самого начала дороги в Каменское, больше суток. А что делать? Ведь самолеты тогда тут не летали.

И радостно мне — меня несет самолет...

...Первыми, кого встретил на Каменском аэродроме, были, конечно... геологи. Магаданцы, ленинградцы, москвичи, петропавловцы — они шумно расположились одним лагерем на берегах реки Пенжино. Ждут вертолетов, которые забросят их в глубь района. Разные люди, разных возрастов сошлись тут, на этих берегах, только вчера, а кажется, знают друг друга тысячу лет. Едят из одного котла, поют про глобус, который вертится, словно шар голубой. И комары им нипочем! А их много, комаров. И если бы не они, можно было бы сказать, что я на Кавказе. Красиво вокруг. Очень красиво!

Звоню в райком. Из газеты? Всегда рады. Сейчас вышлют катер (от аэродрома до райцентра двенадцать километров по воде). Двадцать минут, час, полтора... Начинаю сомневаться, что «всегда рады». Садится самолет из Магадана. Выходят пассажиры. И вдруг... Знакомое лицо. Где, где я его видел?! А ведь видел. Лихорадочно работает память. Да, конечно, он. Вспомнился довольно худосочный парнишка, восьмиклассник Каменской школы, а сейчас вон как вымахал! Высокий, стройный, широкоплечий. И костюм с иголочки, даже франтоват. Но все равно это он.

— Хаятно? — Молодой человек удивлен. — Анатолий? — Он кивает головой, присматривается. Узнает.

Сидим на берегу. Говорим. О чем? Обо всем.

Сын оленевода села Манилы, он после окончания школы поступил в Паланскую сельхозшколу. Потом работал оленетехником в родном колхозе, бродил со стадами по тундре. Была тяга к знаниям, хотелось учиться еще. Колхоз послал Анатолия в Анадырь, в сельскохозяйственный техникум. Совсем скоро он станет зоотехником, а сейчас приехал на последнюю практику в родные места.

И я уже благодарю обстоятельства, которые свели меня с Анатолием, и благодарен кому-то, кто не шлет за мной катер.

— Многое видел, — Анатолий бросает в реку камешки, отмахивается от комаров.— Бывал в чукотских стадах. Там кое в чем дела лучше, чем у нас. Приеду, — улыбается, — внедрять буду.

И он рассказывает о том, как на Чукотке ведется оленеводство, говорит о своих планах. Потом разговор переходит на другие темы, говорим о фотографии, кино, спорим о картинах Рокуэла Кента, Рериха.

Наконец, приходит катер. Расстаемся. По дороге в Каменское вспоминаю, что не спросил о том, об этом, что не успели переговорить о многом.

А на следующее утро на катере еду (или иду — это для моряков!) вверх по реке. Курс — Слаутное.

ЕЩЕ в райцентре я много слышал о Слаутном и, думая о встрече с ним, всячески остерегал себя от фраз вроде «неузнаваемо изменился облик»... Но при подъезде к Слаутному рука помимо воли выписала эту фразу. Да что там «изменилось»! Я просто не узнал Слаутного.

Отмечаю про себя: как в плане — школа, почта, магазин и детские ясли... А вот больницу построили чуть в стороне. Но почему больница в лесах?

— А мы решили сделать так, чтобы амбулатория была в другом помещении, — говорит после знакомства врач Аким Харагезов. Он год тому назад приехал в Слаутное. Как себя чувствует? Отлично! Наш разговор прерывает шум вертолета. Вот он развернулся над поселком, идет на посадку.

— Это ко мне, — объясняет Аким. — Трудный случай родов. Пришлось вызвать врача для консультации.

В комнату вошла миловидная женщина, главный врач районной больницы Людмила Павловна Куприянова. Она старожил в этих местах, вот уже пять лет здесь. Медики ушли к больной. Жду результат.

— Придется больную взять в район, — решает Людмила Павловна.—Там ей будет лучше. Через несколько минут вертолет увозит Хутни в райцентр, а мы продолжаем прерванный разговор. В каждом стаде теперь часто бывают медики. Все пастухи под постоянным врачебным контролем. Если нужно—на лечение отправляют в Петропавловск, Хабаровск, Москву. Вот Толя Иковав. У него было воспаление среднего уха с осложнением. Мальчишку отправили в Москву, в клинику. Там, в Москве, он окончил десять классов. На следующий год он уедет учиться. А Акохома Иван и Сергей Умкавье ездили на Большую землю. В санаторий ездили. И еще пятнадцать пастухов побывали там. Вот такие дела!

В больнице работают свои, слаутнинские медики — медсестра Люба Уревна, Таня Вайниткан. Стоп. Какая Таня? Ну, конечно же, та самая. Ее имя я записал в книжку десять лет назад. Кроме всего прочего, Татьяна—председатель поселкового женсовета, о работе которого я много наслышан.

— Бывали в наших домах? — спрашивает она.

Утвердительно киваю головой.

— Можно сравнить с прошлым?

Конечно нет. Я был во многих домах и не видел ни одного, где бы был хоть малейший намек на беспорядок, где были бы оленьи шкуры. А ведь раньше они были главной мебелью. В поселке не встретил ни одного человека, одетого в традиционную летнюю кухлянку из продымленной оленьей шкуры. Все в платьях, костюмах.

Говорю об этом Татьяне. И она рассказывает мне о том, как шла битва за культуру. Рассказывает интересно, и мне остается лишь поторапливаться записывать.

РАССКАЗ ТАТЬЯНЫ ВАЙНИТКАН

ЖЕНСОВЕТ поселка ведет разнообразную работу среди местного населения. Приходится и вечера организовывать, и беседы, и выставки...

Нас девять человек. Специальная комиссия постоянно следит за чистотой в поселке, ведет борьбу за здоровый быт. Каждую неделю женщины делают подворный обход, проверяют чистоту. С каждым днем все лучше в домах, но пока, откровенно говоря, мера проверки не лишняя. Ведь люди совсем недавно расстались со шкурами. В основном наш метод работы — разъяснение. Приходится и показывать. Это помогает. С семьей Марии Х. было нелегко. У нее отдельный хороший дом. Но Мария упорно не хотела мыть полы. И нельзя сказать, чтобы ленилась, а так, считала: грязный ли пол, чистый — какая разница. Пожалуй, семья Марии Х. единственная в поселке, которая не хотела расстаться со старым.

Поселок сегодня.

Много пришлось поработать активистке нашего женсовета П. И. Магилевцевой. Запаслась она терпением и стала каждую неделю приходить к Марии. Придет, помоет пол, постирает белье, ребятишек вымоет, да еще обед сготовит. Неделю ходила, вторую, третью, а на четвертую стыдно стало Марии:

— Больше не приходи.

— Что, совсем к тебе не приходить? — спросила Магилевцева.

— Зачем обо мне плохо думаешь? — Мария покраснела. — Делать все в доме не надо! Сама все делать буду, а ты чаевать приходи! В гости!

Сдержала слово Мария. Теперь активисты женсовета ходят к ней только в гости.

Далеко за пределы поселка идет слава о наших рукодельницах. Их изделия отличаются вкусом, тонким орнаментом. Недавно мы организовали выставку работ наших женщин. Когда подводили итоги, чуть ссора не случилась, — все работы хороши. Кому присудить первенство? После долгих переговоров все же решили: лучшие работы у Степаниды Мейнувье и Нины Каян.

Большое внимание женсовет уделяет работе среди женщин, которые трудятся в пастушеских бригадах. Регулярно общественницы выезжают туда, проводят беседы, следят за тем, как организован быт оленеводов. Отлично обстоят дела во второй бригаде. Женщины бригады Татамме, Тынена, Тыгрытваген содержат жилища в образцовом порядке. Когда бы пастухи ни пришли с дежурства, в домике оленеводов готова горячая пища, крепкий чай. Короче, женская заботливая рука чувствуется во всем.

Но мы не только ездим по стадам. Иногда женщины и из стада приезжают к нам в поселок. Тогда собираем их, проводим занятия по домоводству. Такие занятия очень полезны.

Именно занятия по домоводству сделали так, что у каждой семьи есть индивидуальный огород. Свежий картофель, лук, редиска прочно завоевали себе место в рационе жителей Севера. Тут нельзя не помянуть добрым словом овощевода Веру.

Неослабно женсовет следит за производственными успехами. Возможно, поэтому многие женщины — передовики производства.

Приятно, что женщины стали подлинными хозяевами поселка. Есть у нас пожилой, одинокий работник Зайцев. Как-то он тяжело заболел. Тоскливо болеть, в такие дни чувствуешь себя особенно одиноким. Собрались наши женщины и решили взять над больным шефство. По нескольку раз на день заходили к нему активистки — накормят, напоят, уберут в комнате, печь истопят. И выходили, поставили человека на ноги. Сколько радости было, когда Зайцев впервые после болезни вышел из дома.

Очень изменилось Слаутное за десять лет. Так изменилось, что мне даже рассказать об этом трудно. И в моей жизни произошли изменения. Я теперь медицинский работник. Мой муж окончил в Петропавловске курсы радистов и получил диплом. У меня четверо детей, старшему, Коле, — 12 лет, а младшему скоро будет год.

Трудно бывает и по дому успевать, и на работе не отставать. Но мне хорошо. Интересно жизнь складывается!

ДА, Татьяна Вайниткан права — жизнь складывается интересно. И люди растут. Вот Веру. Раньше посевные площади были маленькие. А теперь под ее наблюдением 2,5 гектара картофеля, капусты и других овощей. Для Слаутного — это не мало.

— Тут уж не обойдешься одним опытом, приходится учиться, — говорит Веру. — Возникнет какой-нибудь вопрос—я за книги.

Тяга к знаниям у слаутнинцев велика. В институтах и техникумах Петропавловска и Хабаровска учатся шестеро. А сколько их было за десять лет? Поля Вегли, Василий Атавзе, Люба Уревна, Тарас Тынагыргин... Разве перечислишь всех. Да и нужно ли? Важно, что жизнь настоятельно требует от людей знаний, и люди понимают это.

Но более всего меня поразил такой факт. Как-то в разговоре с директором совхоза Александром Дмитриевичем Давыдовым я спросил:

— А как яранги?

— Какие яранги? — удивился собеседник.

Какие? Он что, притворяется? Уж кому-кому, а ему, проработавшему на севере долгие годы, надо бы знать, что это такое. Яранги! В которых живут пастухи!!!

Александр Дмитриевич рассмеялся:

— Вы просто отстали от жизни — в наших стадах нет ни одной яранги. Приезжали тут недавно, для музея хотели сфотографировать одну. Не нашли.

— ???

— Мы заменили их сборно-каркасными домиками.

И Александр Дмитриевич показывает мне макет домика. Он состоит из деревянного каркаса, который быстро собирается и разбирается, и мехового покрытия. Перед домиком небольшой тамбур, он служит для хозяйственных целей.

Мне пришлось прочитать дневники учительницы Слаутнинской красной яранги Вали Сальниковой. Вот что она пишет в них: «Разборно-каркасный домик бригады привел меня в восторг. Очень уютно, чисто и тепло. Так хорошо поставлен! Домик небольшой, но удобный. Есть даже отдельная кухня, комнатки. Даже в пургу тут бывает тепло, потому что домик хорошо его сохраняет. Ну просто никакого сравнения с ярангой! Там вечно дымно от костра, что горит посредине, а тут воздух чистый. Легко дышится в новом домике... Вскоре мы перекочевывали на другое место. И я убедилась в еще одном преимуществе домика — он очень быстро и легко разбирается. Это свободно делают два пастуха, и транспортируют его на двух нартах».

Ну что же, это приятно. А ведь не сразу пришлись по сердцу пастухам новые домики. Вначале они даже с опаской смотрели на новшество. Не доверяли — им все казалось, что домик при сильном ветре должен упасть. Да и непривычно как-то в нем, светло, а от этого кажется холоднее.

На первых порах совхоз получил всего два таких домика. На совещании решили передать их в виде премии лучшим бригадам.

— Дадим домик бригаде Тыневтегина. Пусть порадуется старик, — решили на собрании.

Передовой оленевод огорчился, — отказаться от подарка — неудобно, обижать нельзя (такое правило на севере!), взять — боязно, кто его знает, что это за штука такая, домик. Того и гляди заморозишь в нем людей. Чесал, чесал в лысом затылке, но... делать нечего, пришлось брать.

Строители.

Взять-то взял, но новоселье справлять не торопился. Все возил его по тундре на особой, специально для этого сделанной нарте. Один раз даже собрал домик, это когда из поселка «начальство» должно было приехать. Начальство уехало, а старик походил-походил по домику, потом велел разобрать, уложить на нарту, а сам снова переселился в ярангу. Так и пропутешествовал с домиком целый год. И кто знает, сколь долго это длилось бы еще, если бы не помог случай. У яранги прохудилась рытына (покрышка из шкур). Ничего не оставалось делать, как ставить домик и перебираться в него. Перебрался, обжился. И сам не заметил, как привык. Потом и ярангу отремонтировали, а старик остался в домике:

— Хорошо тут, просторно, как в тундре. Тут будем жить. Ладно!

Ну, а уж после него другие бригады тоже переселились в домики.

— Как видите, жизнь идет вперед, — сказал Давыдов.

Я попросил, чтобы он рассказал

О ДЕЛАХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ

ДАВЫДОВ походил по просторному кабинету. Перехватил мой взгляд — я рассматривал огромное кожаное кресло старинной работы.

— Понятия не имею, как сюда попала эта древность. Хорошая вещь,— он любовно провел по коже рукой,—только вот редко приходится сидеть на нем. Наша работа знаете какая — все время в движении: летом со стадами пастухи уходят километров за 600—700 от центральной усадьбы, зимой — тоже далеко.

Наш совхоз по всем производственным показателям — хозяйство рентабельное. За последнее время намного увеличили производство мяса. Если в 1957 году было сдано государству 2.700 центнеров, то в прошлом году сдали 4.715. Такая же цифра, а может быть и больше, будет и в нынешнем.

Улучшился уход за оленями, а это, в свою очередь, привело к увеличению поголовья. Только за последние 5 лет поголовье увеличилось более чем на 5 тысяч.

Постоянно снижаем себестоимость продукции. В прошлом году центнер мяса в живом весе обошелся по 27 рублей. Сравните эту цену со стоимостью центнера свинины в нашей области, и вы увидите, что стоимость оленьего мяса почти в десять раз меньше.

Давыдов немного помолчал.

— Вы, ради бога, не подумайте, что я хвастун. Но приятно же, черт побери, что такие показатели. Ведь у наших соседей центнер мяса стоит 70 рублей. И это считается невысокой ценой.

А вы знаете, как за последние годы повысился заработок пастухов? Если это сказать в процентах, то на 70, а если в деньгах, то вот: в 1957 году старший пастух получал 90 рублей, теперь — 170, рядовой прежде получал 60 рублей, теперь — 106. Причем, учтите, что, кроме этого, оленеводам выдается бесплатное питание и одежда.

Ну, и прибыли, конечно, растут. В 1957 году годовой доход составил 35 тысяч, а в прошлом — 253 тысячи рублей. Факт, как говорится, комментариев не требует.

Когда я говорю об успехах — это само собой разумеется, что в них, в успехах, заслуга наших пастухов. Это труд бригадира Тынавье, который работает в совхозе с 1932 года, Тита Тынетегина, Умкавье, Нинвита.

О строительстве? Ну что вам сказать? Поселок наш вы видели, со строителями знакомы. Пожалуй, вот что. Все, что вы видите в поселке, построено за счет отчислений от сверхплановых прибылей. Мы и в нынешнем году ассигнуем на строительство 36 тысяч рублей. Дел-то еще невпроворот.

ПОЗДНИМ вечером, когда скудное на тепло солнце севера раскаленной сковородой повисло за сопками, а потом спряталось вовсе, когда обрызгало кровью заката низкие облака и отсвет от них задышал на стенах домов, заиграл в окнах,— я тихо бродил по улицам поселка.

Они такие же, как в плане, что десять лет тому назад промерзшей декабрьской ночью показывал мне Иван Иванович Багаев. Теперь он работает начальником территориального управления, а вот память о нем в поселке жива. Она в этих улицах, в этих домах, пахнущих свежими досками. Пусть на таблицах улиц нет его имени. Зато тут, в этой тундре, этих улицах и домах, — его душа, его сердце. И очень приятно, что дело, начатое им, попало в руки неспокойного человека—Александра Дмитриевича Давыдова. Он доведет до конца!

И подумалось мне, что не только посаженные деревья, но и выстроенные дома — лучшая память о деяниях человеческих.

Дома... Из них складываются улицы. Такие же, как в плане. Такие и не такие. Не такие потому, что теперь в них вдохнули жизнь. Ни одна, даже самая прекрасная, картина не может быть лучше, красивее жизни. Они лучше, живее, эти улицы, чем в плане.

И еще вспомнилось мне, что живут люди Слаутного на том месте, которое в старинное время, знакомое нам лишь из книг, было известно своей нищетой. Каждый год уносил сотни жизней. Крохами мяса, чтобы можно было едва-едва прокормиться, — вот чем питались жители этих мест, лежащих у отрогов Слаутнинских хребтов. Может быть, именно отсюда и пошла поговорка: «Олень — это все: жизнь, еда, одежда». Совсем недалеко от поселка, километрах в десяти, есть небольшой овраг. Называется он Голодный куюл. Голодный... Что можно добавить этому названию? Название сохранилось как память о давно ушедшем, невозвратимом.

Я иду по улицам нового поселка. Солнце уже снова покатилось вверх по небосклону. Бледнеет, меркнет луна, и лишь Нгер-нумгы—Северная звезда—не сдается. Ей долго еще гореть, пока солнце совсем не поднимется над горизонтом.

Ноги устали, и я присел на бревна, наваленные у постройки. Вынул записную книжку и наткнулся на цифры, переписанные еще в конторе. Я скептически отношусь к цифрам, не знаю почему, но мне они кажутся скучными. Однако у цифр нельзя отнять одного — они говорят лаконично, ясно, за ними можно увидеть многое. Поэтому я приведу цифровую запись из блокнота (да простят меня те, кому цифры кажутся скучными).

В 1959 году построено:

жилой площади — 350 кв. метров;

детские ясли — 120 кв. метров;

почта, овощехранилище. Начато строительство интерната.

В 1960 году построено:

одноквартирных домов — 4;

двухквартирных домов — 2. Общая площадь составляет 184 кв. метра;

сдан в эксплуатацию интернат на 50 мест — 258 кв. метров;

расширена библиотека;

заложен фундамент скотного двора на 40 голов.

1961 ГОД:

жилых домов — 9. Общая площадь — 338 кв. метров;

построены подсобное помещение, кузница, электростанция;

скотный двор площадью в 450 кв. метров в эксплуатацию сдан.

ГОД 1962. Строится:

1. Пошивочная мастерская.
2. Три двухквартирных дома.
3. Три одноквартирных дома.
4. Столярная мастерская.
5. Капитальный ремонт с расширением площади:

а) больница,

б) интернат,

в) ясли.

В этом же году намечены к постройке: новые дома, новые детские ясли, прачечная. Расширить — школу. А детские ясли необходимы, потому что в 1957 году в них было всего 13 детей, а теперь—66. И учащихся стало больше по сравнению с 1957 годом на 20 человек, да еще 109 дошкольников, которые вот-вот сядут за парты.

Вот что такое цифры! Прав Александр Дмитриевич Давыдов — дел невпроворот!

...В страдную пору где-нибудь на Рязанщине раньше всех встают хлеборобы, а тут, на далеком Севере, страда у строителей. И не успело солнце как следует вскарабкаться на небосклон, они уже на ногах. Там же, где сидел, я познакомился с Алексеем Ивановичем Касьяновым. Он со своей бригадой строителей пришел на работу. Разговорились. Оказалось, у Алексея Ивановича интересная биография. Он считает себя камчатским, и не без основания: на полуострове он вот уже 12 лет и уезжать не собирается — места приглянулись, работа по душе. И в слаутнинских местах не новичок — с 1955 года трудится. И все время строителем. Сколько же домов его руками построено!

Геологи.

— Да, пожалуй, многовато, — задумывается Алексей Иванович. Смотрю я на него — да, отличную по себе память оставит в Слаутном этот сухощавый энергичный человек.

— Как работается? А чего, неплохо, — Касьянов отдает какое-то распоряжение, и продолжает: — Бригада у меня дружная. Хорошо работают ребята Гренюк Иван, Плешко Семен, Нихаенко Алексей, Войтюк Ваня. В общем, ребята что надо, — и, заметив, что я что-то записываю, добавил: — Вы учтите — по комсомольской путевочке сюда прибыли. Надо сказать, чести комсомольской не уронили: и ведут себя отлично, и работают каждый за двоих.

Он извинился и ушел. А я остался посмотреть на спорую работу парней. Умение, удовольствие в работе — всегда красивы.

ВОТ и подходит к концу мой рассказ о Слаутном, о его людях. Нет, я узнал его, старого друга! Листая страницы записной книжки, я долго ломал себе голову (не скрою!), как бы интереснее начать свой очерк, как бы увлекательнее рассказать о том, что видел. И, наконец, решил,— правильно или нет — об этом судить читателю,—начать и писать так, как подсказывают события, о том, что видел, о тех чувствах и мыслях, что возникают при встрече со старым другом.

Ровно десять лет тому назад я был в Слаутном. Сейчас, так же как ровно десять лет тому назад, я покидаю поселок. И так же, как тогда, я оглянулся.

Ты прав, мой старый каюр: действительно красиво! Теперь я смело войду к редактору толстого журнала, и пусть попробуют мне сказать, что от планов до действительности далеко.

Я найду, что ему сказать!

Арк. ДИНКЕВИЧ.

с. Слаутное, август 1962 года.